

A detailed black and white illustration of a city street at night. In the foreground, three cats are walking towards the viewer. The cat on the left is wearing a long coat and a top hat. The cat in the middle is wearing a dark jacket with a light-colored collar. The cat on the right is wearing a dark jacket and a top hat. In the background, a large crowd of cats is walking down the street, many wearing hats and coats. The street is illuminated by streetlights, and buildings are visible in the background.

Сабина Тартаковская

**История для детей
неопределенного возраста**

Сабина Тартаковская

**Истории для детей
неопределенного возраста**

«Автор»

2025

Тартаковская С.

Истории для детей неопределенного возраста / С. Тартаковская —
«Автор», 2025

Порой животные играют в людей, но и люди порой играют в животных, иногда сами того не подозревая. Но жизнь играет и с теми и с другими. Посмотрите на своего питомца, потом на себя в зеркало... Видите?

© Тартаковская С., 2025

© Автор, 2025

Сабина Тартаковская

Истории для детей неопределенного возраста

История, возбуждающая и обещающая, но наполовину.

– Вот это попа! А! Да это попа всем попам попа! – бормотал Трисин, сидя у открытого окна, погода за которым просто издевалась, выставляя на показ своё благоухание.

Женский пол, казалось, следует её примеру.

Одна из его представительниц проходила мимо окна Трисина, повиливая тугими, обтянутыми джинсами бёдрами. Трисин, не отрывая глаза от этого зрелища, щёлкал семечки, сплёвывая кожанку вниз.

– КинзМараулич, ты глянь – кака попа плывёт! – крикнул Трисин в комнату, на его голос к окну подошёл рыжий кот без одного уха.

– Трисин, мне сейчас не до попы, мне бы пиво, башка трещит, – пробормотал кот, но все же выглянул в окно.

– Да при чем тут пиво, КинзМараулич, когда такая попа! – сказал Трисин и сплюнул кожанку вниз.

– Эй, девушка, у вас мировая попа! С такой попой ничего не страшно! – крикнул Трисин. Девушка показала Трисину третий палец.

– Чего это она? – спросил Трисин у КинзМараулича.

– А это послание для твоей задницы, – ответил кот и зевнул. – Трисин, пойдём пить пиво, – настаивал КинзМараулич.

Трисину его отдал грузин, продающий помидоры на рынке, а в придачу дал целый пакет помидор.

И Трисин то ли в память о нем, то ли в честь любимого вина, дал коту имя и отчество.

– Трисин, я ухожу, ты со мной? – настойчиво твердил КинзМараулич, натягивая кепку.

– Слушай, сколько можно пить? Как взял тебя, ты ведь не просыхаешь! – ответил Трисин.

– Я только кружку пива, там же Игнат Матвеевич и Ширков ждут, – проговорил кот, уставясь в пол.

– У тебя каждое утро с пива начинается, а вечером я тебя на себе прую от пивной. Хватит, так больше продолжаться не может. Давай, приводи себя в божеский вид, сегодня будем культурно отдыхать, – решительно сказал Трисин и направился одеваться.

КинзМараулич с надеждой пошёл выполнять приказ.

Трисин брился, мылся, чистился, гладился и все время то ли пел, то ли начитывал, то ли песню, то ли стихи, то ли прозу, но только о весне.

КинзМараулич делал то же самое, вот он точно пел: «Губит людей не пиво, губит людей вода».

Так незаметно пролетело 4 часа 42 минуты.

В итоге в комнате стояли Трисин в красных клетчатых брюках, в сиреновом пиджаке и в такого же цвета туфлях, завершала костюм красная бабочка.

КинзМараулич был одет в такой же костюм.

– Ну вот, ты посмотри, какие мы, а, КинзМараулич.

Мы просто цари, сегодня все попы города у наших ног, – просмаковал Трисин и поправил бабочку на шее.

– Слушай, Трисин, отпусти меня, я пива хочу, – промяукал КинзМараулич.

– Даже не думай! – оборвал Трисин. – В путь! – скомандовал он, и он удалились.

Они гуляли до вечера, от Троицкого моста, до Зоопарка, и так 365 раз туда и обратно.

Мимо них проходило много красивых и не очень, но все проходили мимо.

Трисин купил себе и КинзМармуличу хот-доги и по бутылке «фанты». Тридцать пять раз они покупали хот-доги и «фанту» и, в конце концов, КинзМараулич взмолился:

– Трисин, сил нет, не могу!

– Чего ты понимаешь? – твердил Трисин и продолжал путь.

Прошло четыре часа и сорок три минуты.

На сорок четвёртой минуте на плечо Трисина упала тяжёлая рука.

Он обернулся и увидел круглую толстогубую женщину, лет сорока пяти и весом килограммов ста двенадцати.

– Рита, я. Рада и согласна, – кокетливо выдала Рита и поправила завиток на лбу.

– Согласны на что? – пробормотал Трисин.

– На все. Да ладно вам стесняться, что думаете, я не поняла, что вы меня подцепить хотите?

– Я? Да господь с вами! – недоумевал Трисин.

Но Рита не слышала Трисина, потому что говорила сама.

– Я тут с утра мороженое продаю и смотрю – вы туда-сюда, туда-сюда. Я сразу поняла, что вы на меня работаете.

Трисин что-то возражал, что-то говорил, что-то утверждал, но все было бесполезно.

– Сейчас мы едем ко мне и вот там скинем одежды, и насладимся друг другом вдоволь.

Слова Риты прервал КинзМараулич.

– Ну ладно, Трисин, вы-то насладитесь, а я что? Что я? Купите мне пива! И где-нибудь на кухне я буду им наслаждаться.

– Десять бутылок и еще килограмм сосисок, – сказала Рита, почесав живот КинзМараулича.

По «Горьковской» шла грузная счастливая женщина, волоча за собой мужчину в красных брюках, который что-то просил, и даже плакал.

Впереди бежал довольный рыжий кот, держа в охапку десять бутылок пива.

История гнусная и наталкивающая на размышления.

– Какой же я гадкий, идиот, придурок, рождённый в самый мерзкий день, я просто тупица, я выродок, причём самый первый, – кричал протяжным голосом серый кот, бегающий по комнате и периодически, то взмахивая, то теребя себе уши передними лапами.

День был тёплым, и ни на что не претендующее солнце безвозмездно отдавало своё тепло.

Окно в квартире с бегающим котом было распахнуто.

И прохожие вполне отчётливо могли слышать исходящие из него вопли.

Поэтому многие пытались заглянуть в окно, чтобы увидеть того, кто так откровенничает про себя.

– Я такая маленькая, слащавая примитивность, безмозглый дебил с выпученными глазами, – продолжал кот.

Он подошёл к зеркалу и сорок восемь раз плюнул в своё отражение.

Потом он двадцать три раза присел и снова подошёл к зеркалу, плюнув еще тридцать пять раз.

В это время в комнату вошёл мужчина в очень плохом настроении и сел на пороге.

– Не поверили, – протянул он и заплакал в свою шляпу.

– Ты пришёл вовремя, у тебя есть шанс увидеть, нет, лучше посмотреть в глаза тому, кто должен возглавить деградирующих дебилов, идущих на церемонию братания с самыми тупыми тупицами, чтобы в конце поддержать их в акте под названием «Сменить цвета на светофорах», – проговорил кот и снова подошёл к зеркалу.

– А зачем их менять? – спросил мужчина, высунув лицо из шляпы.

– Ты возглавишь вторую колонну! – сказал кот и смачно плюнул в зеркало.

– Славик, сегодня самый чёрный день в моей жизни, впервые мне не поверили, – протянул мужчина и высморкался в платок.

В это время в окно влетела большая и жирная ворона, на которой сидел тощий, еле живой воробей.

– Добрый день. Зоя, а это вот Маратик, он голодает. Знаете – время какое тяжкое, может, дадите чего-нибудь, – прокаркала ворона.

– Да-да, конечно, влетайте, покопайтесь сами! Там, в холодильнике, должно что-нибудь быть, – очень медленно проговорил мужчина, потом зарыдал.

Славик молча смотрел в заплёванное зеркало.

– Я пришёл сегодня на работу, а потом у Максима Сергеевича потерялась очень дорогая ручка с золотым пером, все её искали-искали и нашли на моем столе, а я в это время выходил в туалет. Когда вернулся... Все на меня так смотрели, а Егор Кузьмич сказал: «Не думал, что Вы, господин Пташулькин, способны на такую низость». Славик, миленький, ты представить не можешь, что со мной было, я и клялся и божился, что не брал этой ручки, но мне не поверили, я выскочил и побежал. Еле до дома добрался, – рыдая, рассказывал Пташулькин.

– Козлы они, козлы, причем урождённые, – взволнованно высказалась Зоя, поедая отварной рис из кастрюльки.

От её резких телодвижений на стол шлёпнулся бездыханный Маратик.

– Заснул. Устал. Умаялся, – пробормотала ворона и продолжила есть.

Славик в это время подошёл к раскрытому окну и загорланил:

– Люди! Хотите увидеть самого тупого в этом мире? Вот он – я, перед вами, да-да, смотрите! Это я, Славик из 113 квартиры, – кричал он, потом начал корчить рожи, потом показывать всем свою заднюю часть и, похлопывая её лапой, одновременно дразнился высунутым языком.

Пташулькин продолжал бормотать:

– Как они могли не поверить мне?

Славик подошёл к нему и очень серьёзно сказал:

– Сегодня, когда я возвращался домой, нашёл огромный портмоне, набитый новыми, дивно пахнущими купюрами. Я подсчитал, там было сто тысяч пятьсот рублей. Я отнёс их в полицию и отдал.

– Во, дебил! – вскрикнула Зоя, наступив на голову Маратику.

– Скажешь, я поступил благородно? Дудки! Они не вернут портмоне тому, кто его потерял! Я видел, как они делили содержимое, они даже протокол не составили! Только сказали: «Молодец! Иди!». И засмеялись, знаешь, как гнусно смеялись! – выдавил из себя Славик и подошёл к зеркалу. – У нас столько долгов! Живем, как нищие; в крайнем случае, через объявление, вернул бы владельцу за вознаграждение... Так нет, я отдал его, просто так...

Славик плюнул в зеркало еще тринадцать раз.

– У вас нет скотча? – неожиданно спросила Зоя.

– Нет, зачем? – поинтересовался рыдающий Пташулькин.

– Пора мне, я вот рис у вас доела, полечу. Только вот Маратик, боюсь, спадёт, его бы закрепить чем-то. Ну да ладно, – пробормотала Зоя и, взяв в клюв Маратика, вылетела в окно.

Славик еще долго расхаживал по комнате, проклиная себя, и периодически плевал в зеркало.

Пташулькин непрерывно рыдал, повторяя одну фразу: «Как, как они могли не поверить мне?...».

Так они встретили вечер, а вместе с ним закадычного друга Василия Ближенкова, который принёс им гостинец: мешок семечек, присланных ему в посылке из Краснодара братом и банку гречишного меда.

Василий сказал, что если очистят семечки и смешают их с мёдом, то получится очень вкусный десерт к чаю.

Рассевшись за стол, они начали щёлкать семечки, складывая зёрнышки в кастрюлю, при этом слушая занимательную историю Василия о получении посылки.

О себе ни Пташулькин, ни Славик ничего не рассказывали.

Не хотели расстраивать Василия, который впервые за многие годы получил весточку и посылку от единственного брата.

История очень добрая, аж до слёз!

Гужиков Валентин Петрович никогда, никуда и не в чем не спешил. Он практически всегда молчал, но при этом мало думал. Жил он в маленькой квартирке по улице Гиреевской, вместе с Игнатом, бело-черным котом и с его дочерью Глашей пышно-пухлой, серой кошкой.

Гужиков больше всего на свете любил пшённую кашу с мёдом, чай с мятой и шоколад «Пупсики», а также воздушные шары. Ежедневно Гужиков ходил в парк, чтобы купить шарик, надутый газом.

В его квартире их было очень много, которые прижимались к потолку, многие лежали на полу.

Игнат обожал разрисовывать их.

А Глаша всегда ворчала, по поводу того, что жить так не возможно.

Проснувшись утром, Гужиков попытался вспомнить вчерашний сон, он вспоминал его вторые сутки.

– Гужик, ты проснулся?– услышал Гужиков из соседней комнаты голос Игната и сразу понял, что он сейчас о чём-то будет просить.

Поскольку «Гужиком» Игнат его называл либо в случае хорошего настроения, либо в случае просьбы.

– Гужик, милый, сходи мне за кефиром, очень прошу, – простонал Игнат.

– А что, сам не можешь? – спросил Гужиков.

– Могу, но так хочется заботы, – ответил кот.

– А Глаша? – продолжал Гужиков.

– Как что – сразу Глаша? Тебя первого попросили. И вообще, у меня голова болит, – прокричала Глаша.

Гужиков вздохнул и встал.

Он медленно прошёлся по комнате, потом случайно наступил и раздавил какое-то мимо пробегающее насекомое.

Опять вздохнул и начал одеваться.

Единственной повседневно-праздничной одеждой Гужикова были розовые вельветовые брюки и серый драповый пиджак, под который он одевал либо голубую в клеточку рубашку, либо в ромбик.

Одевшись, и взяв тряпичную сумку, он ещё раз взглянул на раздавленное насекомое и сказал:

– Я пойду, Глашенька, мне на завтрак, как всегда, пшённую кашу с мёдом.

– Сегодня завтрак автоматически переносится на время обеда. – Я не выспалась, – ответила Глаша.

– Меньше по ночам шлѐндать надо с этим оболтусом, как его: Алиботросом что ли, надо же – «Алиботрос» – во имя! – захихикал Игнат.

– Да не Алиботрос он, а Альберт, и потом, какое твоё дело! – вскипела Глаша.

– Это моё какое дело? Ты как с отцом говоришь? Сейчас встану и пройду по мягкому месту клюкой, – кричал Игнат.

Глаша что-то громко, почти с надрывом кричала что-то в ответ.

Гужиков натянул на голову беретик, накинул плащ и вышел.

На улице моросил дождик, Гужиков протянул руку и, выставив ладошку, захихикал.

Постояв немного, Гужиков пошёл в магазин, а чтобы не было скучно, тихо-тихо напевал им самим сочинѐнную песенку:

– Ля-ля, вот это да! Гули-були-гуда это чудо!

Я смеюсь и я пою! Потому, что я иду!

И, конечно же, приду! Если только захочу!

Гужиков пел и шлѐпал по лужам.

– Мужчина в берете! – вдруг услышал Гужиков. – Да, да, я к вам обращаюсь, – повторил голос, и Гужиков увидел очень странного пса, сидевшего на земле в резиновых калошах и старом плаще, с гармошкой в передних лапах.

– Вы меня звали? – спросил Гужиков.

– Вас! С мольбой и прошением подать, сколько сможете, покалеченному, и незаслуженно оскорбленному, ценою вырванного уха и оторванного хвоста, защитившего губернатора Ханты-Мансийского округа, – застонал пёс и зарыдал.

Гужиков тоже заплакал тоже.

– Чего ты рыдаешь? – буркнул пёс.

– Да как же, ведь жалко, – рыдал Гужиков.

Пёс взбодрился и, зарыдав, закричал ещё громче:

– Сiju я тут промёрзший, голодный, больной, никому не нужный. А помру – никто не заметит. Подай, добрый человек, на хлебушек.

Гужиков захлёбывался и обливался слезами, при этом стонал.

Пёс нагнетал обстановку:

– Несчастному, закрывшему собой от пули, вражеской, губернатора и его детишек, подай бедному в прошлом бультерьеру...

– Кому? – спросил Гужиков.

– Бультерьеру! – растянул пёс.

– А кто это? – не понял Гужиков.

– Я! А что?

Гужиков зарыдал еще громче, при этом загорланил:

– Бедный ты мой! Это до чего же ты дошел, что из бультерьера в такое превратился! А я то думаю: мышонок сидит, крохотный такой, а герой! – рыдал Гужиков.

– Это кто мышонок? Я мышонок?! Да ты что, мужик, умом коснулся?! Да Гену Полежаева еще никто мышонком не называл! Я же любого боксёра порву! – закричал пёс.

– Верю. Ошибся. Обознался, – отпрянул Гужиков.

– Ну вот, так бы и сразу, а то «мышонок». Ну ладно, кинь чего-нибудь, – сказал пёс.

Гужиков вынул из кармана купюру и протянул псу.

– А вы играете? – спросил Гужиков и посмотрел на гармонь.

– Пою! – бросил пёс. – А это так, для вида.

– Я тоже пою, – обрадовался Гужиков, – А ещё я очень люблю надувные шары.

– Да? И маленьких надувных бегемотиков? – засмеялся пёс.

– Вы смеётесь надо мной? – расстроился Гужиков.

Пес замолчал. Гужиков вздохнул и медленно пошёл.

– Эй, стой! Ты чё, обиделся? Стой, говорю! – прогорланил пёс, и Гужиков остановился. – Ладно тебе, ты ведь тоже мышонком меня назвал, я же не обиделся.

– Но я случайно, – буркнул Гужиков.

– Ну и я не со зла, ладно, прости, если что, – сказал пёс. – А ты куда идёшь-то?

– За кефиром, потом в парк, купить шарик, а потом домой есть пшённую кашу с мёдом, – ответил Гужиков.

– Счастливый, – вздохнул пёс. – А вот мне некуда.

– Ну, так пойдёмте ко мне. Я познакомлю Вас с Игнатом и Глашей, я с ними живу, а Вы, если захотите, будете жить с нами.

– А они захотят? – спросил пёс.

– Конечно, они добрые! – вскричал Гужиков.

– А я стирать люблю и, вообще, по дому хозяйство вести, – затрепетал пёс.

– Тем более. Ой, заживём! – радовался Гужиков.

– Заживём! – вскричал пёс.

И взяв гармонь, они пошли вдвоём за кефиром.

Пёс долго рассказывал Гужикову о своей полезности, а потом купил килограмм пряников для Игната и Глаши, и сильно волновался перед встречей с ними.

История нежная, но немного грустная.

– С благополучным возвращением! – Сказал некий гражданин Присусин, и вошёл в комнату своей квартиры.

Присусин отсутствовал в ней четыре часа, и уже успел соскучиться.

Присусин безумно любил свой дом, и только в нем он чувствовал себя спокойно.

Родные стены, знакомый запах, капающая из крана в ванной вода, дребезжащий холодильник, скрип полов, все это оживляло и наполняло Присусина теплом, особенно в дни, когда на улице было мерзко, сыро и холодно.

Именно такой день выдался сегодня. Лил дождь, дул ветер и пахло зимой. Присусин скинул мокрый плащ василькового цвета и пошёл на кухню ставить чайник.

– Прямо с неба, прям под ноги,

То ли светлый. То ли тёмный...

Знаю точно – это боги,

Мне послали выдох томный! Ну, как тебе? – Проговорил вошедший на кухню кот в жёлтых кальсонах и с несвойственной для котов окрасом: в его шерсти соединилась вся существующая гамма цветов, и каждый цвет умещался на маленьком клочке. Даже нос кота имел четыре цвета, и только правое ухо было абсолютно белым.

– Не понял, – буркнул в ответ Присусин, – Повтори.

Кот повторил.

– Глубоко. Со смыслом. А, в общем, по-моему – чушь! – Заметил Присусин и стал греть руки над плитой.

– Я тоже так думаю, – Вздохнул кот, – Ночью написал. Утром прочитал, хотел порвать, но, думаю – тебя дождусь. – Объяснял кот очень расстроено.

– Причин для переживания не вижу. Я считаю, твой шедевр – впереди, и ты уже близок к нему! Так что давай пить чай. – Сказал Присусин и сел за стол.

– Род Шкратов заканчивается мной. – Сказал вдруг кот и сел – Каждый Шкрат, в свое время, как-то прославлял фамилию. Она была известна многим, и теперь я, последний, Козьма Шкрат – серенький обыватель, ничем не могу оставить память!

– Ну, ты ошибаешься! Во-первых, ты талантлив, во-вторых, у тебя могут быть дети. – Сказал Присусин и, покраснев, прикусил язык.

– У кого могут быть дети?! Я же кастрат! – Выдавил Козьма и зарыдал.
Присусин молчал, не зная, что делать дальше.

Козьма Шкрот рыдал и рыдал.

Иногда его рыдания перебивались фразой: – Найти бы того, кто убил во мне отца. Ох, найти бы, в глаза ему глянуть...

В комнату влетела бабочка капустница, пролетев по комнате, она села на стол, и через секунду превратилась в гусеницу, которая подняла голову и очень эмоционально запела «Смуглянку».

Козьма замолк, и они с Присусиным внимательно слушали. Закончив, гусеница раскла-
нялась и сказала:

– Диана Львовна Прильская, певица, люблю дрожжевые булочки с клубничным джемом, белокурых мужчин и дождливую погоду. Добра. Открыта. Весела.

В следующую секунду гусеница превратилась в шмеля и, забасив, вылетела в окно.

– Природа уникальна. – Сказал Присусин и отпил чай.

– Присусин, скажи честно, я не безразличен тебе? – Спросил Козьма.

– Ну что ты, Козя, ты очень дорог мне, правда.

И они оба заплакали.

Потом Козьма предложил станцевать танго.

Поставив пластинку с песней «Утомлённое солнце», они экстравагантно исполнили чув-
ственный танец. За ними наблюдал некий Захудин Коля, сосед по квартире, который недавно
зашёл к ним по делу.

В руках он держал за лапы, повисшую чёрную ворону, размером с крупного гуся.

Заметив Захудина, Присусин отпрянул от Козьмы, запрыгнув на диван и начал листать
журнал. Козьма стоял.

– Я вот что зашел-то... Ох, хорошо плясали, черти, я чуть сам не начал. – Смеялся Заху-
дин. – Но я не об этом. Я вот чего принёс. – Сказал Захудин и бросил ворону. – Ну, я пошёл,
ух, черти!

Козьма бросился к вороне, поднял крыло, отпустил, крыло упало, раскрыл вороне глаз,
отпустил, глаз закрылся, послушал сердце и сказал горестно:

– Сердце постукивает, хотя внешне – мертва, нужно искусственное дыхание.

И тут же приступил к нему.

– Ты что, сдурел?! – Вскрикнула ворона и оттолкнула Козьму. – Жива я, и тому придурку,
час твердила, что жива! Просто бури магнитные, состояние сонное, уснула, так он за лапы и
сюда притащил! Сплю я, понимаешь? – Негодовала ворона.

– Не буду мешать. – Смутился Козьма.

– Нет уж, дорогой, фигушки, давай, швырни меня из окна, да подальше! Что ж мне на
своих ногах шлёпать? – Ворчала ворона.

– А крылья? – Удивился Козьма.

– Ты что, глухой? Я же сказала – бури магнитные! В общем, давай, швыряй, или я сейчас
взбунтуюсь! – Крикнула ворона.

– Не надо. – Сказал Присусин, и, взяв ворону за лапы, покругил её над головой и выбро-
сил в окно.

– Ну что, долетела? – Спросил Козьма.

– Что смог, то сделал. – Ответил Присусин и добавил – Знаешь что, Козьма, пока вы тут
дискутировали, я думал и понял – какое счастье, что ты есть, и есть наш дом. Правда.

Козьма хотел заплакать.

– Не надо. – Прервал его Присусин. – Ну что, предадимся вечерней релаксации?

Козьма кивнул.

Зазвучала классическая музыка.

Козьма писал, в надежде приблизиться к шедевру.
Присусин читал Пастернака.
Во всей квартире горел лишь зелёный торшер, а за окном лил дождь.

История о многом, которое слилось в одно.

Замечательный сон Юрия Юрьевича Промашки, закончился тем что, кто-то постучал в дверь.

Промашка открыл глаза: «Я проснулся», – крикнул он и закрыл глаза. Полежав немного, он встал.

Жил Промашка с котом, которого ему подарил незнакомый, иностранный турист, посетивший музей, где Промашка работал пылесосоводом.

В честь туриста кот был назван Вили Джон.

А еще, иногда к ним приходил переночевать некий спившийся аристократ Коля, по прозвищу «Мечтатель».

На вид Промашка было лет сорок.

Длинное до бесконечности туловище крепилось на бесконечно длинных ногах, в свою очередь, к туловищу крепилась дынеобразная головка с рыжими усиками, остреньким носиком, крохотными глазками.

При всем, при этом Промашка был худым, скорее тощим. Промашка много думал и однажды понял, что в нем живёт 252 человека: просыпается один, исчезает предыдущий.

Вот уже неделю в Промашке жил 212-й, а именно inferнальный. Встав с кровати, он прошёл по комнате и сел в кресло.

– Вили Джон, спать так долго – вредно, у тебя отпадут уши, вылезут глаза, облезет хвост, и ты впадёшь в депрессию! – крикнул Промашка в кухню, где всегда спал Вили Джон.

– Сорри ай эм! Я не сплю уже два часа, и готовлю творожники на завтрак. Уж кормил Колю, он ушёл на похмелье, будет через ван час, – сказал Вили.

Выслушав его, Промашка чихнул и пробормотал:

– Творог – это хорошо для моего плоского зада.

– Почему для зада? – удивился Вили.

– Ах, Вили, где мои семнадцать лет и моя губная гармошка? – проговорил Промашка.

Вили вздохнул.

– Да, Вили, совсем забыл, я не буду есть твои творожники! – добавил Промашка.

– Почему? – вскричал Вили.

Промашка взмахнул рукой, от чего по комнате пронёсся ветер и унёс Вили, где-то в кухне загремело.

Промашка встал и, держа что-то в руке, направил ноги в сторону улёта Вили.

– Потому, Вили, что я на завтрак съем вот этого кузнечика, залетевшего к нам! – И промашка всунул в рот содержимое кулака.

– И заметь, даже не запью! – добавил он.

Вили затошнило, и он убежал в туалет.

В дверь постучали.

Промашка открыл.

На пороге стоял толстый мужик в соломенной шляпе.

– Дайте мне! Дайте несчастному погорельцу что-нибудь! – взмолил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.